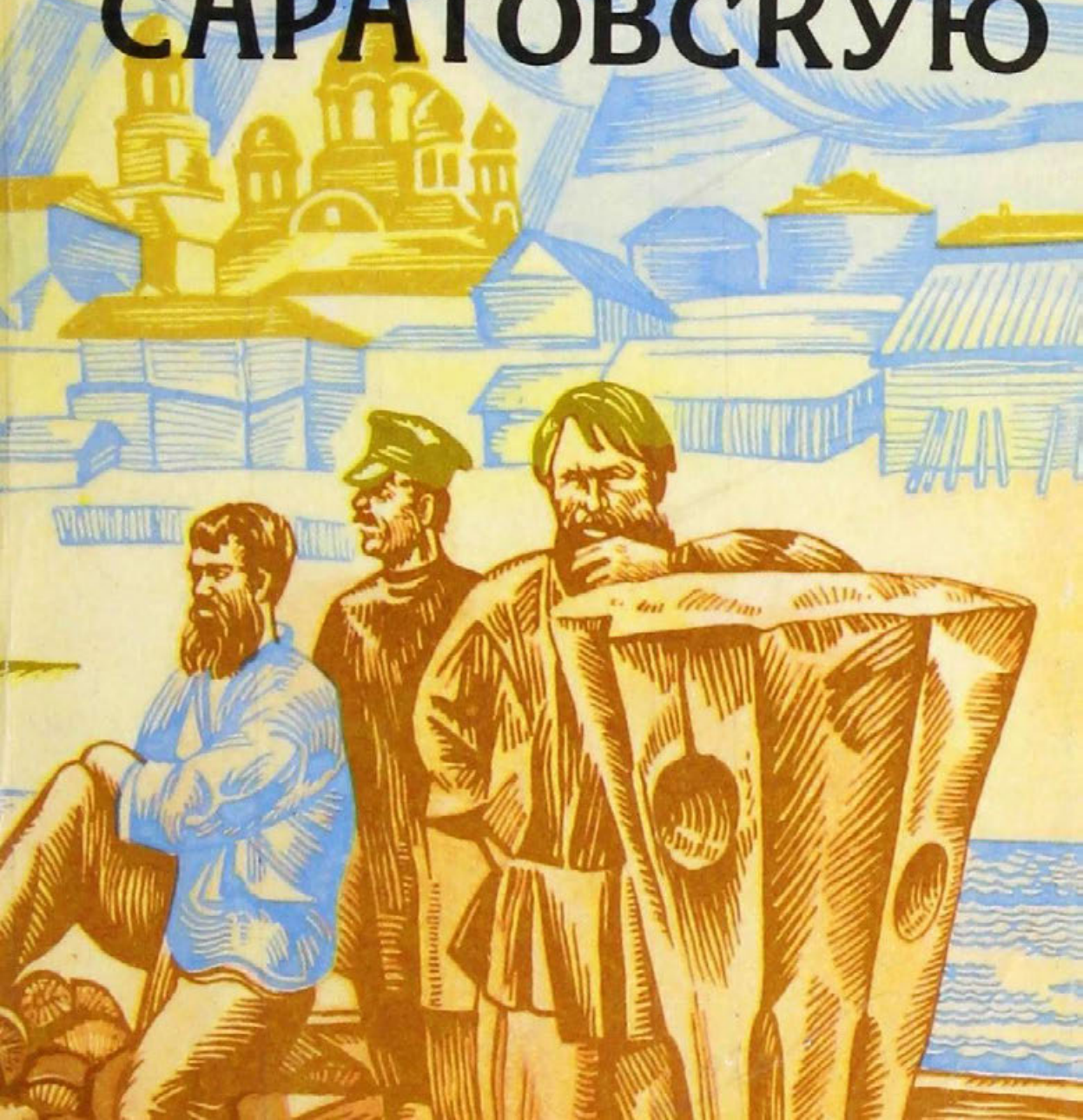

83(2P354)

с 30

В.Н. Семенов

В СТАРИНУ САРАТОВСКУЮ

05

В.Н. Семенов

63.3(2P354)

с 30

В СТАРИНУ САРАТОВСКУЮ

*Очерки и рассказы
о прошлом нашего края*

20314-2 ✓
ВОЛЖСКАЯ ОБЪЕДИНЕННАЯ
ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ
БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА

Саратов
Региональное Приволжское издательство
«Детская книга»
1994

Федеральная целевая программа
книгоиздания «Россия»

Семенов В. Н.

С30 В старину саратовскую: Очерки и рассказы о прошлом нашего края. — Саратов: Регион. Приволж. изд-во «Детская книга». 1993.—336 с. — (Научн.-попул. изд. Для сред. и ст. шк. возраста).
ISBN 5-8270-0011-6

Откройте эту книгу — и вы попадете в старинный город Золотой Орды — Увек, увидите древний деревянный Саратов, услышите перестук топоров и песню волжских стрельцов...

Автор поведет вас на речные пристани, в залы первых саратовских театров, кинематографов, в гимназии, яхт-клубы, на рынки. Шаг за шагом, штрих за штрихом вы будете постигать родную историю и судьбы тех, кто создавал наш город.

С $\frac{480200000-22}{Д 24(03)-94}$ без объявл.

ББК 63.3(2Р354.4Са)

ISBN 5-8270-0011-6

- © Виктор Николаевич Семенов, автор, 1994
- © Геннадий Михайлович Павферов, художник, 1994
- © Региональное Приволжское издательство «Детская книга», 1994.

В СВЕТЛОЙ ДУМЕ О БЫЛОМ...

Саратов... Слово, которое служит нам олицетворением Родины, вечного и святого понятия, впитавшего в себя все, что дорого и близко человеку: отчий дом, руки матери, хлеб и соль земли родной, солнце и небо, и зелень листвы, и ветреный речной простор, и убегающую к горизонту дорогу в колосащемся поле. Знакомые с раннего детства площади, улицы и улочки, парки и скверы, дома и дворы, с которыми связаны памятные события, давние или вчерашние, может быть, стершиеся в деталях, но оставившие непроходящее ощущение радости, удивления, нежности, печали и всего, чем наполнена жизнь человеческая. Здесь обрели конкретный и неповторимый смысл слова — изначальные основы нашего разумного бытия — друзья, товарищи, школа...

...Когда я, находившийся далеко на чужбине, думал о родной русской земле, то мысленному взору моему являлись тихие сумерки в Липках, шевелящаяся от легкого дуновения темная листва, розовое вечеряющее небо над городом, и на фоне его — знакомый силуэт бронзового Чернышевского и контуры островерхих башенок консерватории.

А еще — накатывающаяся на песчаную отмель светлая речная волна и белый теплоход над колышущейся рябью солнечного водного простора. И осенняя просека в займище Волги, неподвижный плес среди камышовых зарослей и взмывающая вверх стремительная пара кряковых, оставивших на воде разбегающийся след...

Видимо, в полной мере разглядеть всю красоту и прелесть земли родной можно лишь в отдалении от нее. «Лицом к лицу лица не увидать» — меткое поэтическое утверждение. Только надолго расставшись с отчим домом, человеку дано почувствовать, как ему дороги привычные и знакомые с детства места, ощутить невидимые узы, связывающие его с родным берегом. Это так же естественно, как узнать, что такое чувство голода, оказавшись без пищи, настоящую цену глотку обыкновенной

воды, лишившись возможности испытать ее в нужной мере. В обычной повседневной обстановке, в постоянном общении с обыденным привычным окружением подчас незаметно то значительное и желанное, что скрыто в знакомой зеленой улочке, в уютной комнате, где ты живешь, в лицах товарищей, с которыми видишься ежедневно, в самом воздухе, которым дышишь, — во всем, что образует емкое понятие Родина.

Профессия геофизика привела меня в одну из африканских стран, где в качестве эксперта алжирского министерства индустрии и энергетики я проработал два с половиной года. Интересная, хотя нелегко сложившаяся для меня командировка, давшая мне массу впечатлений о неведомой до этого земле, о людях ее и городах. Но главное, что я вынес из этой поездки, — это новое ощущение Родины, чувство неразделенности с ней, непреодолимой к ней тяги. Что-то, видимо, сродни тому инстинкту, что заставляет птиц весной покрывать тысячи километров на пути к местам гнездования предков, а рыб — преодолевать нескончаемую быстрину течения в стремлении достичь старых нерестилищ.

В короткие минуты отдыха моей заграничной жизни устраивался я на балконе нашего 14-этажного батимана в алжирском городе Блида и, глядя на ровный строй высоченных пальм вдоль шумной автомагистрали, по которой катилась бесконечная вереница рено, пежо, фиатов и ситроенов, на стреловидные шпили мечетей, изумрудную зелень эвкалиптовых рощ, величественные контуры Атласских гор и яркие голубые африканские небеса, вспоминал я подернутую серой дымкой степную волжскую даль, грустинку березовых лесов в саратовском пригороде и улицу Радищева в густых хлопьях медленного безветренного снегопада. И приходила ко мне страстная потребность какой-то «материализации» моих размышлений о далеком доме, желание как-то «дотронуться до Родины рукой». Это привело к тому, что я начал писать маленькие рассказы, сюжетом которых явились известные мне эпизоды из истории нашего города. Эпизоды, связанные с действительными событиями, людьми, улицами, домами старого Саратова. Давно интересуясь историческим прошлым волжского края, коллекционируя архивные документы, книги, фотографии, беседуя со старожилками, я накопил значительную информацию, литературная обработка которой стала для

меня в Алжире сначала просто удовольствием, а затем переросла в потребность.

И, вернувшись домой, я уже не мог не писать о старом Саратове, посвящая этому почти весь свой досуг. Сознательно и бессознательно хотелось мне написать свои заметки о нашем городе как гимн родному краю, показать всю красоту и неповторимость этого древнего уголка России, рассказать об отдельных моментах истории, неизвестных широкому кругу, восстановить незаслуженно забытые имена замечательных наших земляков.

Ведь Саратов имеет свое историческое прошлое, бесспорно интересное, вызывающее естественное неравнодушие людей сегодняшнего дня, особенно саратовцев. Разве не любопытно, к примеру, узнать нынешнему жителю нашего города, когда и при каких обстоятельствах выстроены хорошо знакомые сохранившиеся старинные здания? Или что было на месте теперешних новостроек? Что за люди ходили по этим улицам, о чем они думали, что их занимало и волновало? Кто из наших земляков, помимо самых знаменитых и известных, оставил приметный след в истории края?

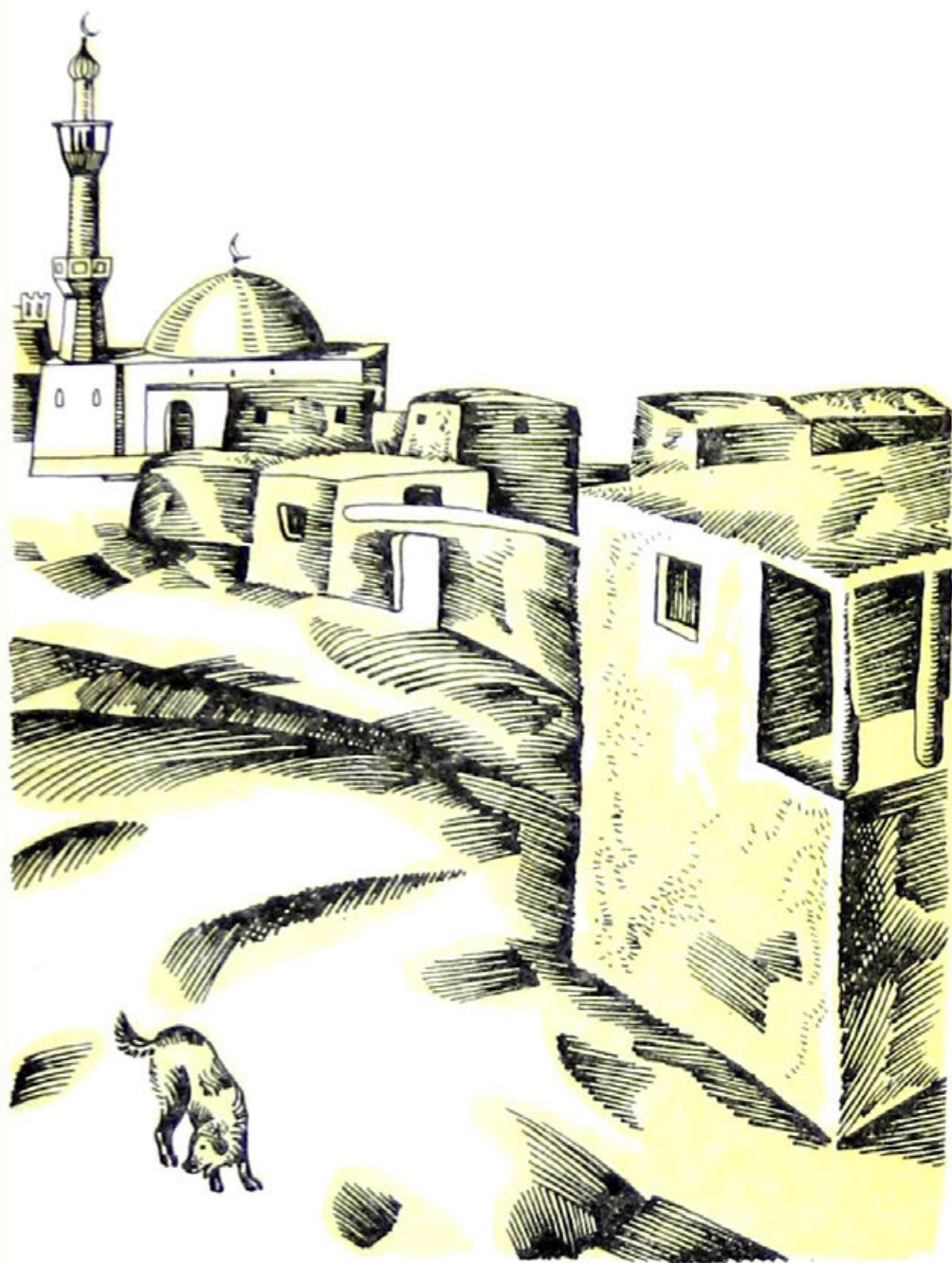
Нет никакого сомнения, что все это не только глубоко интересные, но и полезные сегодняшнему поколению сведения.

И, рассказывая сегодня о саратовской старине, помимо немалого удовольствия от того, что излагаю мне самому интересные факты истории, я испытываю и большое удовлетворение — в твердой уверенности, что знание этой истории сослужит людям наверняка добрую службу.

Это как раз то, что называется радостью творчества, о чем так образно и точно говорил наш великий пращур Ломоносов в своем «Слове о пользе химии» в 1751 году: «...Ничто на земле смертному выше и благороднее дано быть не может, как упражнение, в котором красота и важность, отнимая чувство тягостного труда некоторую сладостию ободряет, которое, никого не оскорбляя, увеселяет неповинное сердце и, умножая других удовольствие, благодарностью оных возбуждает совершенную радость».

СКАЗАНИЕ
ОБ УВЕКЕ

Рассказы о примечательных событиях в истории нашего края мы начнем с Увека, третьего по величине татарского золотоордынского поселения, располагавшегося на южной окраине современного Саратова, в районе нынешнего железнодорожного моста через Волгу.

Историей Увека (в древнем произношении — Укека) в свое время занимались ведущие ученые и энтузиасты-краеведы нашей саратовской земли (и не только ее): Г. С. Саблуков, А. Н. Минх, С. Краснодубровский, В. Голицын, А. А. Гераклитов, Ф. В. Баллод и другие.

Суммируя те сведения, что почерпнуты из трудов уважаемых упомянутых авторов, кратко изложим исторические факты об Увеке.

Точная дата основания его неизвестна. Предполагают, что возник Увек на территории существовавшего здесь с незапамятных времен поселка возле переправы через Волгу, где была сосредоточена торговля солью. Упоминания об Увеке существуют в записках странствующих арабских и европейских торговцев, относящихся к 1263, 1306, 1334, 1367 годам. Известно, что на Увеке чеканились монеты и в период расцвета Золотой Орды, при хане Узбеке (1312—1342 гг.), — это был «город средней величины, но красивой постройки, с обильными благами и сильной стужей» — так свидетельствует арабский путешественник Ибн Батута. Увек был укрепленным военным городом, поскольку находился в пограничной зоне владений Орды, в опасном соседстве хоть с покоренной, но не смилившейся Русью. Для сбора податей здесь существовало налоговое управление, а для надзора за многочисленными рабами — большой штат надсмотрщиков. Но населен был Увек и зажиточными людьми — богатые находки при раскопках города свидетельствуют об этом. Здесь процветали ремесла и торговля. Ислам стал господствующей религией в Золотой Орде при хане Узбеке, а это значит, что и Увек пережил этот наверняка беспокойный и небезболезненный процесс смены веры. Предполагается, что Увек, как и другие города Золотой Орды, был разрушен ханом Та-

мерланом в 1395 году. Однако некоторые исследователи считают, что поселение погибло вследствие оседания почвы (большого оползня) и было покинуто жителями уцелевшей его части.

Таковы основные сведения об Увеке, известные на сегодняшний день, и, опираясь на них, представим себе летний день из жизни увекского городка где-то середины XIV века, времени его расцвета...

Неслышно несет Итиль могучие воды к Хазарскому морю. Тишина над широкой утренней прохладой, еще темно — лишь слабо-слабо засветился серой полоской восточный край звездного высокого купола. Только крикнет в зарослях песчаного острова испуганная чем-то птица и ударит хвостом по зеркальной глади проснувшаяся рыба.

Светлеет небосвод, гаснут звезды, выясняются из темноты крутой берег, деревья, кусты, все дальше и дальше отодвигается ковыльный степной горизонт за рекой. И вот уж выглянул из-за четкой кромки краешек дневного светила, озарив розовым лучом белые строения из камня над высоченным крутым откосом, по которому чуть заметно змеятся тропы, набитые каблуками и копытами. Поднимается солнце, и огромный табун медленно снимается с ночной стоянки, что в версте от Увека, и шагом устремляется к пологому проему, ведущему к реке. Слышны визгливые крики табунщиков, снующих спорым аллюром взад и вперед, резкие хлопанья бича, глухой лай лохматых сторожевых собак. Низкорослые буланы и гнедые лошадки, тонконогие жеребята переходят на рысь и, поднимая облако пыли, колышущейся массой сваливаются к береговой кромке и растекаются вдоль нее, опуская морды к спокойной утренней воде. Стихли ржание и топот, лишь отфыркивание раздается у размытой каменистой кручи.

От Увека, с высокой узкой изразцовой башни, несет над просыпающимся простором протяжное гортанное «алла-алла-алла...». Что-то вечное и унылое в этом крике, какая-то угроза, и мольба, и безысходность, и призыв к терпению и покорности...

И по улицам города, от дворца, поскакали всадники — доглядывать за обязательным ритуалом. Со спины лошади верховому виден каждый дворик увекского

поселения, где обязан хозяин с криком муллы постелить коврик, снять обувь и совершить молитвенные поклоны на мечеть, повторяя за муллой вечное присловье ислама «алла-алла-алла». Иначе донесут на нерадивого и ждет того лютая казнь за ослушание — неприятие мусульманской веры...

Посреди дворов задымились костры под таганами, в которых спеет к завтраку мясное варево. Хозяйки разливают по чашкам-пиалам кумыс из узкогорлых кувшинов, пекут серые лепешки — все это выставляется в доме на войлочной подстилке, куда усаживается для трапезы горластая и чумазая татарская ребятня, чтоб торопливо, размазывая по подбородкам и щекам, поглотить нехитрую стряпню. Накормив семейство, отсылает хозяйка подростков-детей собирать хворост и таскать воду, а младших усаживает под дощатый навес, вручая им игрушки: осколки цветной керамики, сломанную стрелу, ненужных теперь деревянных идолов и божков, медные пуговицы, высохшие желуди и косточки от персиков...

С краю городка примостился кирпичный завод. За огороженным углом невольники сваливают с арбы, запряженной быками, белую глину, что привезена с дальнего оврага-карьера. Тут же поливают ее из кожаных бурдюков и месят ногами, чтоб из влажной пластичной массы делать квадратики кирпичей — 5 вершков на 5, строить из них дома, выкладывать бассейны и склепы для именитых покойников, возводить печи и дымоходы и мостить площадь перед дворцом даруги — увекского наместника, назначенного самим визирем. Ходят кругами рабы по широкой площадке с серым месивом, усердно работают голыми пятками, потому как рядом суровый надсмотрщик с длинной плетью. И коли узрит он нерадение, то тут же фиолетовый рубец от вездесущего татарского бича украсит голую спину.

Тяжкая доля у этих пленников, ни убежать им, ни вымолить облегчения, ибо рода они незнатного, а добыты в кровавых боях в дальних пределах — у русичей, у армян, у греков...

Солнце все выше поднимается над зеленым миром, все жарче его ослепительные лучи. По улицам городка потянулись к базарной площади местные жители — редкородные старики в стеганых халатах и войлочных наголовниках, мужчины-воины, свободные от караула или

разъезда, женщины в цветастых одеяниях с темными накидками, закрывающими шею и нижнюю половину лица, — кто с мешком, кто с кожаной сумой, кто с подносом или сосудом на голове. Гонят осликов с поклажей, ведут на веревках упирающихся баранов...

Шум и разноголосица над пестрой базарной толпой. На расстеленных кожах и ковриках красуются горы орехов — грецких и лесных, миндаля, изюма, чернослива, винных ягод, персиков, фисташек, перца, гороха, сарацинского пшена и кофе. В огромных торбах на телегах и арбах — пшеница, просо, рожь, что доставили сюда не столь многочисленные в Орде земледельцы — сабенчи и икинчи. Под камышовым навесом на стойке — груды раскрашенной глиняной посуды: чашки, кувшины, горшки, корчаги, вазы, блюда — большие, малые, с глазурью и без, на любой вкус и карман.

По краям площади — малые строения из дерева и камня — то лавки заезжих и местных купцов и мастерские ремесленников. Идут сюда не столько купить, сколько поглазеть — на дорогие украшения и одежду, штуки бархата и парчи, золотую и серебряную посуду, сапоги из тонкой синей юфти, кожаные пояса и жилеты, кинжалы с наборными рукоятками и ножами, искусно выделанные седла, колчаны и плетки...

У мастерских народу не меньше — здесь, на глазах у любопытной толпы, стучат молоточками чеканщики, вертят ногами тяжелые круги гончары, пропуская сквозь мокрые пальцы обретающий стать комок глины, колдуют над тиглями умельцы по золоту и серебру, шьют халаты и тачают чувяки, вострят ножи, сабли, копья.

Мастеровые больше из пришельцев — из Хорезма, Тавриды, Персии, из северных русских краев. Специальным ханским пожалованием разрешен им беспрепятственный проезд по золотоордынским владениям, торговля за малый оброк, содержание лавок в татарских городах и наем приказных помощников из вольных людей.

Здесь же на площади — белая мечеть с изразцовым минаретом и трехбашенный дворец даруги. На средней, самой высокой башне — золотой шпиль с полумесяцем, позади дворца — сад с бассейном, уступами спускающийся к Итилю. Высокий каменный забор, свирепые, оголенные по пояс стражники, увешанные кривыми саблями, луками, колчанами — в блестящих шлемах, с нагайками на правой кисти.

Нынче выезжает даруга в золотоордынскую столицу — в Новый Сарай, на курултай, что созывает визирь раз в три луны. Упакованы в тюки и мешки подарки хану, его женам, визирю, наibu. Везет даруга и собранные с улуса подати и налоги для ханской казны, гонит косяк лошадей и сотню баранов.

Раздаются над площадью звонкие удары в огромный бубен, открываются кованые ворота, и пред склоненной толпой появляется даруга на белом коне. Серебряный шлем с острым шишаком на голове, плащ из красного шелка, белые сапоги с золотой отделкой. Скуластое суровое лицо, темные брови над щелками глаз, хитрый сторожкий взгляд, маленькая борода и усы вокруг недобро усмехающегося рта...

В сопровождении конных охранников в лисьих малахях — все при щитах и копьях — рысью процокала кавалькада сквозь площадь и по узкой улочке устремилась к выходу из городка. А оттуда — петляющим спуском к воде, где ждет даругу плот-паром для него самого, для коня, для подарков хану. Переправят даругу на левый берег, переберется вплавь охрана его, и двинутся они в Сарай — по плоской пустынной степи, выжженной знойным солнцем, набитой копытами знакомой дорогой.

Ни души не видно на многие версты вокруг — лишь унылая полынная равнина до горизонта. И если встретится отряду живая душа, то будет это только торговый караван, следующий из монгольской столицы к северным улусам. Два десятка верблюдов, размеренно вышагивающих под объемистыми тюками. Босые смуглые погонщики, хозяин каравана — чужеземный бородатый купец в шелковом тюрбане да конная охрана из дюжины нанятых в Сарае воинов. Везет торговый человек в Уеки и другие города богатые товары из Персии и Индии — шелк, кожи, чай, урюк, миндаль, дорогую посуду, женские украшения из золота и камня, расшитые халаты и золотой нитки платки...

Наступил полдень, и в Уеке опустела базарная площадь. Попрятались жители и приезжие люди в укромные уголки от палящего солнца. Сидя дремлют в холодочке седобородые старики, ухватившись узловатыми руками за палки, склонив голову между колен. Под навесами во дворах забылись в послеобеденной истоме натрудившиеся женщины, стихли детские голоса. По-

никли пыльные акации вдоль городских улочек, недвижна выеденная шелкопрядом листва в ближних дубовых рощах. Все вымерло под знойными лучами, лишь по смотровой галерее вокруг самой высокой башни дворца ходит часовой — доглядывает за Итилем и подъездными тропами к Увеку.

И неожиданно гортанный крик разрывает дневную тишину. То увидел караульный людей и лошадей на северной дороге.

Нет, не опасность угрожала Увеку. С дальних краев возвращался домой татарский дозор — с месяца рыскали десятеро вооруженных всадников по лесным дорогам на рязанской земле, творили злую расправу над случавшимися людьми, грабили малые села, жгли избы и губили детей...

Везли к родному порогу разбойники добычу — русские меховые кафтаны да шапки, захваченные в стычках щиты и мечи, сорванные с женщин бусы, налобники, кокошники с камнями. И вели четырех полонянок — молодых девушек, привязанных длинным арканом за сомкнутые запястья к седлам татар. Разбитые в кровь босые ноги, распушенные пшеничные волосы за спиной, настрадавшиеся измученные лица, еле слышный от немощи стон...

Но и потери у дозора немалые. У дальнего русского поля разрублен пополам один из воинов-татар. А другой, пронзенный копьем, сидит в седле полуживой, серый от боли, с гноящейся раной в плече.

Вступает отряд в Увек, и вмиг проснувшиеся жители от своих домов провожают любопытными взглядами процессию. Мальчишки истошно кричат, показывая пальцем на пленниц, злобно брешут на людей и лошадей лохматые дворовые псы.

Оценивающе сощутив левый глаз, смотрит на русских девушек и богатый монгол-купец, вышедший на шум к дворовой калитке. Для него они — живой товар, привычно измеряемый звонкой тяжестью монет. Товар этот разного назначения. Ежели хороша русичка — в наложницы улусному князьку или богатому нукеру, если здорова — в работницы на бахчу или виноградник, ежели умела — в домашнюю прислугу: стряпуху, швею, черничку.

Опустела улица, и купец, замкнув запор на калитке, возвратился в дом. Сквозь узкое окошко падает дневной

свет на пол, застланный цветастой кошмой. Пиала с чаем, кожаная сума с вырученными деньгами... Высыпает на кошму груды монет хозяин, начинает считать выручку. Желтые и белые квадратики и кружочки, чеканенные в самых разных ордынских городах, мелькают под рукой купца. Вот серебро с дальнего Каракорума, вот медяшки с соседнего Бельджамена, вот с Маджара, Джулата, Ак-Сарая. Вот монеты с ордынских столиц — Сарая-Берке и Сарая-Бату.

А в соседнем дворе встречает семья воина, только что вернувшегося из дальнего похода. Расседлан и поставлен к кормушке усталый конь, шестеро скуластых смуглых детей — мал мала меньше — смотрят из отведенного им угла на сурового отца своего, что снимает с себя лук, колчан со стрелами, откладывает хвостатое копье, отстегивает ножны с кривой саблей, кинжал, скидывает овчинный жилет мехом наружу. Передан безмолвной жене боевой шлем с шишаком, вручена добыча — заячий тулупчик, шитый сарафан, штуки холста и сукна, пряжа из шерстяной нитки. Скинуты пыльные сапоги, омыты из кувшина потные спина и грудь, отерты грубой тряпичей. Проходит воин в дом, где на глинобитном полу, укрытом недорогим ковром, стоит дымящийся котел с вареным мясом, горка серых лепешек и корчага с кумысом. Усаживается оголодавший мужчина к еде, запускает руки в посуду, рвет зубами горячие куски баранины, ломает лепешки, прикикает надолго к пиале с кисло-сладким хмелящим кумысом. По локтям, заросшему подбородку стекают и падают на голую грудь и колени жирные капли...

Опускается вечер над Итилем, бросая длинную тень на водяное зеркало от высоченного увекского бугра. Безлюден речной простор, и вверх и вниз от городка — ни рыбацкого челна, ни паруса.

Медленно садится Ярило, но не спадает дневная жара. Каменные стены дворца источают впитанное тепло, роятся в духоте обильные мошки, недвижно матовое зеркало Итиля.

Не велик, но и не мал увекский городок — с тысячу домов в закрытых дворах. По окраине — больше саманные: низкие потолки, небеленые стены, полки с некрашеной посудой, застланные грубыми кошмами земляные полы. Колодцы по улицам. Дымящийся очаг перед дверным проемом, занавешенным кожаным лоскутом.

Во дворе — загон для баранов, навес над лошадиным стойлом, сложенный хворост для костра.

Поближе к центру городка — солидные каменные строения. Изразцовая керамика на кирпичах, желоба от источников. Бани во дворах, погреба с припасами, зарытые в землю огромные глиняные чаны с зерном. Глинобитные тахты, устланные пестрыми коврами, разукрашенная утварь, женщины в дорогих одеяниях и с браслетами, серьгами, бусами. Дети почище да поопрятнее — в шелковых халатиках и тюбетейках.

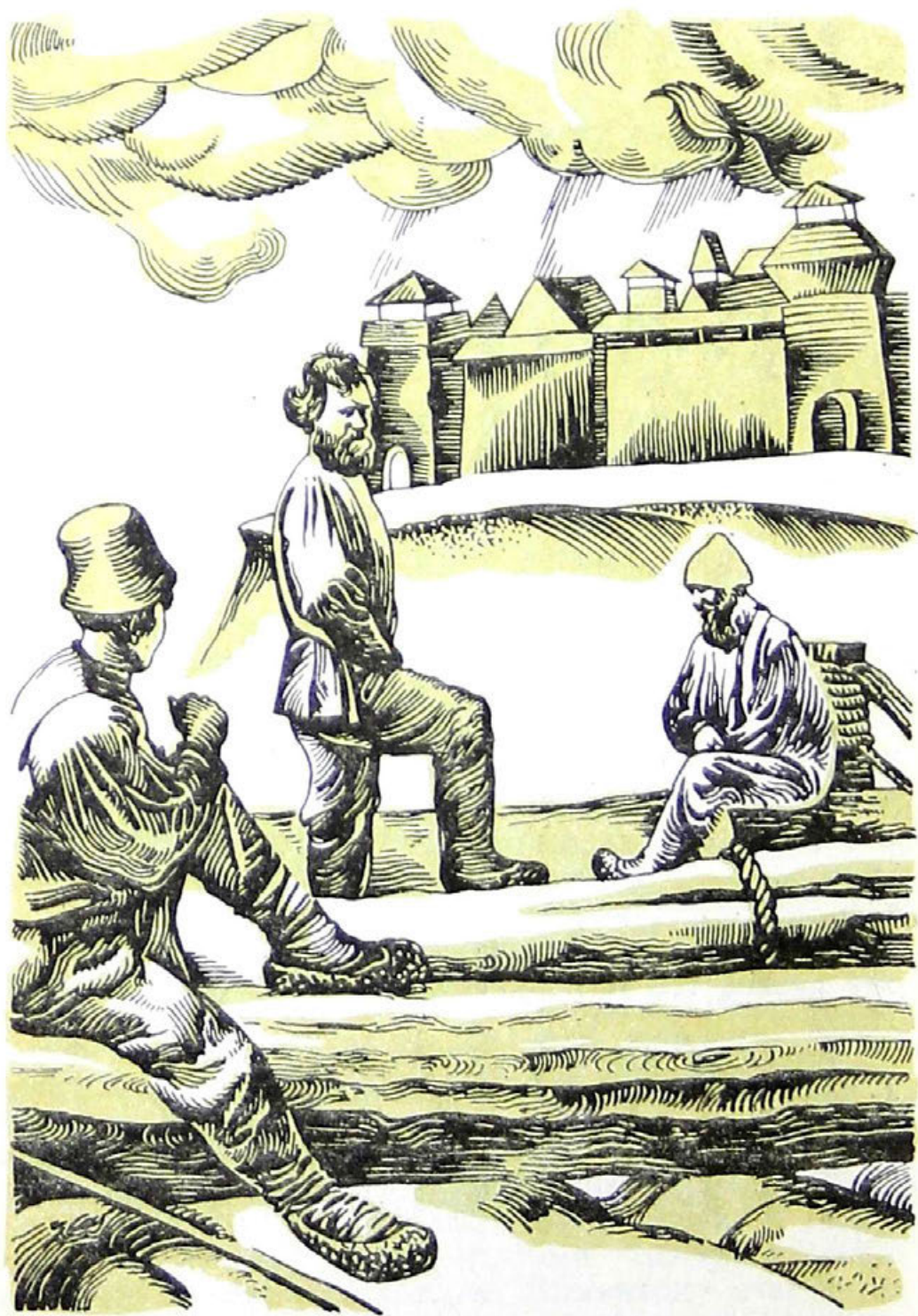
А вот и жилище хозяина Увека — белокаменный дворец за высокой глухой стеной. Хитроумные узоры на голубых изразцах, кистевые орнаменты с позолотой, арабески, причудливо сплетающиеся в традиционный монгольский знак — «узел счастья». Стрельчатые окна, резные колонны с затейливыми капителями, ажурные беседки, бассейн с фонтаном. Восточные ковры с вышитыми драконами, серебряные кувшины и вазы, атласные пуховики. Многочисленная прислуга — на кухне, в конюшне, в саду. Зоркая стража — на башнях, у входа, по стене.

В саду дети резвятся с игрушечными саблями, щитами, луками, стрелами. А жены даруги — на женской половине, в скрытых покоях, в лабиринтах дворца — вдали от чужого взгляда, под присмотром неподкупного евнуха, преданного пса хозяина.

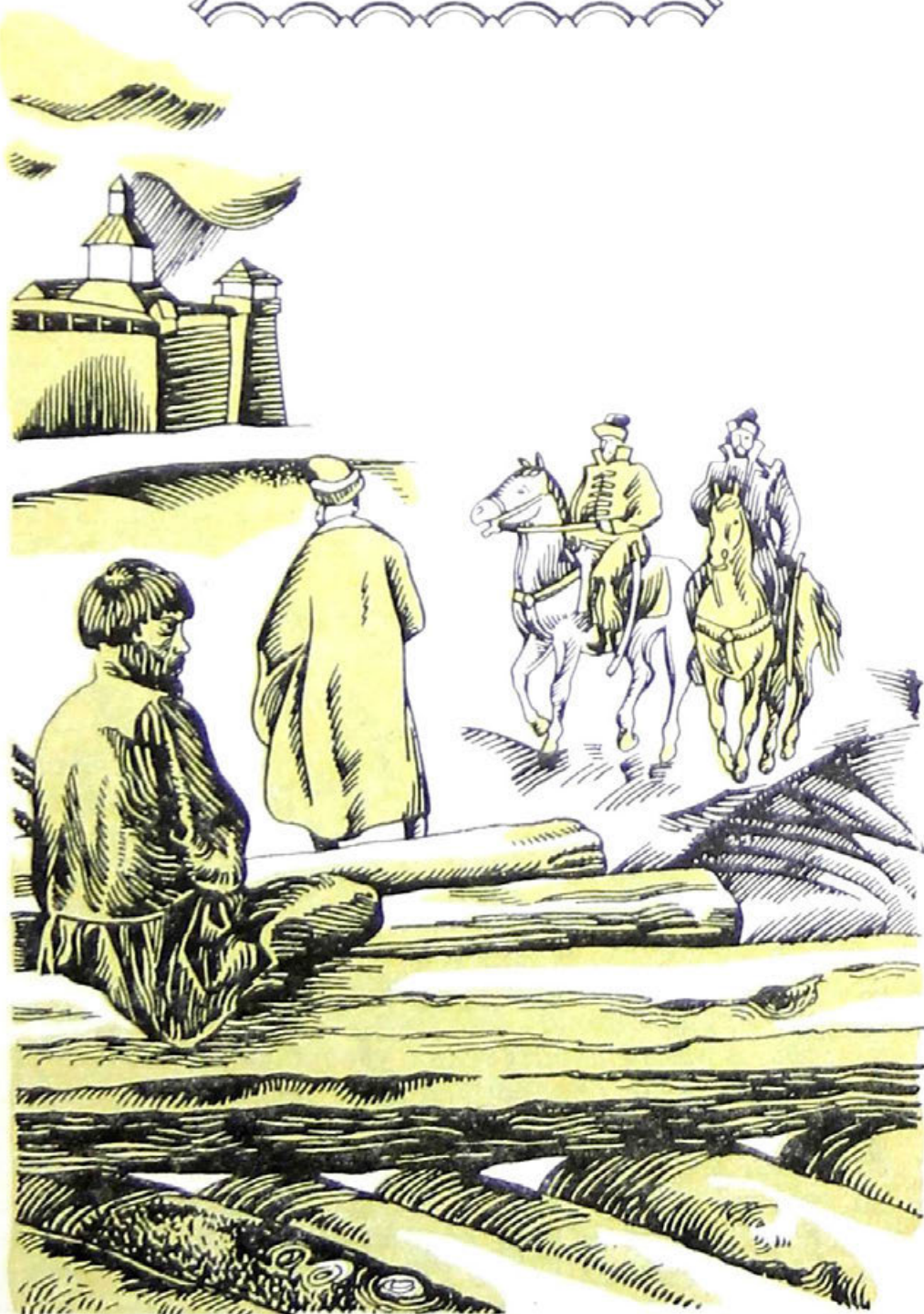
Вот и опустился багровый солнечный диск за синий горизонт. Застрекотали вокруг кузнечики, заверещали в темных углах сверчки. Тлеют угольки в непогашенных очагах, струится слабый дымок к вечернему небу в розовых перистых облаках. Вычерчивают неровные зигзаги на фоне потухающей зари летучие мыши.

И вновь над засыпающей степью, над широкой темью реки разносится всепроникающее и унылое «алла-алла-алла»...

Засветился молодой месяц в синем бархате небосвода, замигали ранние звезды. Вспыхнул далеко за рекой огонек костра неведомых кочевников. Стихла задумчивая грустная песня, доносившаяся из русского квартала. Тревожная ночь со сторожкой тишиной воцаряется окрест.

САРАТОВ ИЗНАЧАЛЬНЫЙ

Ныне можно считать твердо установленным фактом, что Саратов основан в 1590 году. Освоение великой волжской магистрали, освободившейся с покорением Казанского и Астраханского ханств для беспрепятственной торговли с Персией и Индией, проходило под знаком борьбы с «воровством казаков», грабивших купеческие караваны, и с набегами кочевых обитателей «дикого поля» — так называлась обширная незаселенная территория, прилегающая к Волге в ее нижнем и среднем течении. Безлюдная, богатая рыбными, охотничьими, бортными, сенными угодьями местность — отличное пастбище для многочисленных табунов, привольная, сытая и относительно спокойная жизнь для всякого рода лихого люда и кочевников — ногайских, крымских, кубанских татар. На всем протяжении от Казани до Астрахани еще в третьей четверти XVI века не было ни одного людского поселения.

В 80-е годы XVI столетия на средней и нижней Волге появляются первые города-крепости, призванные защитить посольские и купеческие караваны от казаков и кочевников: в 1586 году — Самара, в 1589 году — Царицын. Долгое время точная дата и место основания Саратова оставались неизвестными. Прямых указаний на это событие не было, потому как все делопроизводство приказа Казанского дворца, ведавшего до Петровских реформ далекой нижневолжской стороной, сгорело во время большого московского пожара в 1701 году, а косвенные свидетельства нашлись гораздо позже. Лишь накануне празднования 300-летнего юбилея Саратова, в 1891 году, в руках саратовских краеведов оказалось старинное Евангелие (принадлежащее нижегородскому мещанину И. П. Никифорову), на одной из страниц которого неизвестным попом Денисом Ивановым была выведена запись: «Лета 7098 (т. е. 1590) года месяца июля во второй день на память положения пояса Пречистые Богородицы приехал князь Григорий Осипович Засекин да Федор Михайлович Туров на заклад города Саратова ставити». Запись и Евангелие были подвергнуты тща-

тельной экспертизе. Нашли, что они подлинные и подделка исключена...

Долгое время копия с записи была практически единственным достоверным документом, проливающим свет на время основания нашего города. Но потом нашлись другие, подтверждающие запись исторические документы, что и позволяет ныне считать годом основания Саратова 1590-й.

Сложнее дело обстоит с местом изначального Саратова. В настоящее время существует несколько версий, основанных на косвенных свидетельствах. Самая популярная из них и наиболее широко принятая принадлежит профессору Саратовского университета А. А. Геракли-тову, который подробно изложил свою точку зрения на этот спорный вопрос в опубликованной в 1923 году монографии «История Саратовского края». На основе анализа сохранившихся исторических документов (материалы о крушении кораблей персидского посольства близ Саратова 24 октября 1600 года, наказная грамота боярина Одоевского стрельцким головам 1614 года, челобитная конного стрельца Климки Гордеева саратовскому воеводе Гавриле Исупову о пожаловании земельной пожни в районе Курдюмских лесов 1680 года) Гераклитов пришел к выводу, что первое местоположение Саратова было на правом берегу Волги в районе ее притока Гуселка. Это подтверждается и картой, изданной в России в 1604 году, где Саратов обозначен как правобережный город. На это же указывают и результаты раскопок, произведенных в 1963 году профессором СГУ И. В. Синицыным.

Первый правобережный Саратов существовал недолго и был уничтожен в 1613 году — разорен и сожжен либо осадившими город кочевниками, либо отрядом мятежного авантюриста Заруцкого, сторонника Лжедмитрия. Небольшая часть саратовских стрельцов, сумевших спастись, тогда же, в 1613-м, добрались до Самары — «конные — пеши, ноги, разорены...».

Так завершилась первая глава в истории нашего города и края, полная испытаний, тревог, опасностей — в трудной караульной службе, в постоянных стычках со всевозможными недругами, в борьбе с суровой природой.

Попытаемся теперь представить, как она начиналась...

7098 года июля во 2 день на памяти положения пояса Пречистые Богородицы
 приехал князь Григорий Осипович Засекин да Федор Михайлович
 Туров на заклад города Саратова ставити.

Запись об основании Саратова на странице рукописного Евангелия, сделанная попом Денисом Ивановым в 1590 г. «Лета 7098 года месяца июля во 2 день на памяти положения пояса Пречистые Богородицы приехал князь Григорий Осипович Засекин да Федор Михайлович Туров на заклад города Саратова ставити».

Если взглянуть на Волгу с крутого холма, что высится, бурый от осыпавшихся откосов и глубоких промоин, среди подступающих крон деревьев и кустарников, то широченный пустынный плес откроется глазу. В тихую погоду — голубой, мирный, гладкий, лишь слабо и ласково колышущийся от несильной волны, в бурю — взъерошенный тысячами белых гребней, свинцовый и тревожный. Катит свои воды древняя река, равнодушная к страстям, бушующим вокруг нее — будь то вечно переменчивая погода, или зажженные войнами города по ее берегам, или нашествие саранчи, или моровые поветрия...

Весной вскипает река от нерестящихся рыбных стай, летом мелеет, означая немногие мели и перекаты, осенью снова полнится и мутнеет от затяжных дождей, а там к зиме и успокаивается вовсе. Затягивает Волгу ледяным панцирем и засыпает сверху глубоким снегом. И воцаряется белое безмолвие меж занесенных берегов с редкими цепочками звериных и птичьих следов на чистой снежной тетради. Лишь верещат по голым рощам на островах сорочинные выводки, да ночью тоскливо воют в глухом урочище голодные волки...

Летним солнечным утром пересекал Волгу молодой лось — ветвистые рога с тремя годовыми отростками качались над спокойной водой, и громкое отфыркивание пугало играющую рыбу. Лось переправлялся с дальнего острова и, сильно снесенный течением, выплывал к бурому холму. У подножия его зверь вышел на песчаную отмель, вытянув вперед голову, стряхнул с себя обильную речную влагу и, оставляя глубокие следы на девственно чистом песке, тронулся к широкой поляне, что светлела росной травой сквозь ближний кустарник прибрежного леса. Уже входя в него, лось неожиданно обернул горбоносую морду к реке. От дальнего острова, что недавно покинул зверь, неслись людские голоса...

Два вместительных струга показались из утренней дымки — под звонкие слова команды ритмично загребали воду двенадцать пар длинных весел. Скрипели уключины, надсадно, с хрипом выдыхали воздух могучие весельщики, а кормчий, навалившись на рукоять потеси, возглашал с равными промежутками: «И... раз, и.. и... раз...».

На кичке переднего струга, устремив вперед пристальный суровый взгляд, ухватившись сильной рукой за борт, стоял князь Григорий Осипович Засекин — одетый в боярскую золоченую ферязь мужчина лет сорока, с властным лицом и окладистой черной бородой.

Струги сваливались вправо — к нагорной стороне, целясь причалить у подножия бурого холма, откуда только что ушел лось. Рулевой вывернул огромное кормовое весло — по знаку Засекина, молча поднявшего правую руку. Еще несколько взмахов, и лодки мягко ткнулись смолеными носами в береговой сход. Усталые гребцы разогнули спины. На песчаную отмель в воду прыгивали люди и выходили на сушу...

— Повременим здесь, оглядимся, совет держать будем, — объявил Засекин двум стрелецким сотникам, давая «добро» на большой привал. И добавил строго: — Костры разводить сушняком — дыму поменее! Все ногаям знак!

— Все одно караульные упредят!

— Береженого бог бережет! — Григорий Осипович бросил малое знамение на грудь. — Кликни сюда Никодима Усова да Кузьму Соскина — со мной на бугор пойдут местности смотреть... Бердыши туда незачем, тесаки пусть возьмут на случай.

На вершине холма, отдышавшись, Засекин зорко оглядел открывшийся на все четыре стороны вид. Слепящая гладь Волги лежала у крутого берега — пустынная, неоглядная. Дальняя заволжская сторона пропадала у светлого горизонта. Южнее нагорный берег разрезало заросшее ущелье — здесь находилось устье волжского притока, ограждавшего подступы к холму с волжских низов. На восток местность также хорошо просматривалась — леса, овраги, вперемежку с увалами, заросшими нетронутой травой. А на север далеко тянулась голубая лента реки с желто-зелеными пятнами островов. И стрежень, и берег были как на ладони.

Место для крепости очень даже подходящее...

— Как татары бугор сей прозывают? — обратился князь к стрельцу Кузьме Соскину, опытному казанскому ратнику, исходившему с Засекиным Волгу вдоль и поперек.

— Да вроде бы Саратов. Желтая гора по-ихнему.

Князь указал рукой на подножие холма, где, устраниваясь на привал, копошились на берегу люди.

— Стало быть, ставить здесь будем новый град Саратов. Место тутошнее присмотрел я еще прошлым летом, когда на заклад Царицына мимо шли...

— Что ж, угол сухой, край вольготный. Корма хорошие, и рыбы и зверя полно, — одобрил Кузьма.

А Усов добавил:

— И ногаи враз не подберутся — вон как далеко отсель видать...

Плоты подошли через два дня. Сцепленные крючьями в два ряда бревна подогнали к берегу и намертво привязали к ближним деревьям струговой бечевой. Командовал сотней прибывших с лесом работных людей и стрельцов начальный человек Федор Михайлович Туров, подвижный, крикливый, деловой, с рыженькой жидкой бородой и быстрыми черными глазами.

— Все топоры, заступы да лопаты — в скворешник, — указывал десятскому Туров на бревенчатую избушку посреди огромного скопища нерасцепленных пока стволов. — Сам давать буду для работы и считать опосля. Не то все растеряете!

Засекин к тому времени подготовил широкую прибрежную террасу у подножия холма к земляным и строительным работам. Порубили мелкий кустарник, выкорчевали пни. Колышками обозначили линии будущей

крепостной стены, наметили, где воеводскую избу, где церковь, баню и прочие строения разместить, где колодцы и погреба для провианта и зелья рыть. Круглые сутки окрестную степь сторожили конные патрули, а на ближнем холме дежурили сменяющиеся стрельцы — наблюдали за Волгой. Не приведи господь, набегут поганые, а «там доброво чаять нечево» — все пожгут, порубят, не успеешь глазом моргнуть!

Вечером в походном шатре у оплывшей свечи Засекин с Туровым склонились над раскатанным плотным папирусом, где черным грифелем были прочерчены контуры будущего Саратова.

— Мыслю, три башни угловых и две проезжих рубить будем.

— Надо, Осипыч, одну бы водяную — к Волге, а другую проезжую к Московской дороге на увал.

— На водяной — полковую пищаль, чтоб ядрами по стругам, а на Московской — затинную поставим: картечью потчевать.

— Калитки для вылазки не забыть...

— Хватит для острога лесу-то?

— Ежели не более двух сажен прясла ставить — должно хватить...

— Добро! Избенки делать повременим. Нехай в шалашах поживут — лето на дворе!

— А храм?

— Церковь надо, Федор Михалыч! В Самаре сразу не поставили — чуть смуты не нажили. До первого покойника, и враз попа затребуют...

— Стало быть, и его сюда везть?

— Беспременно. С первой грамотой в Казань сообщай — нехай священника, дьякона и всю рухледь церковную на струги грузят.

— Завтра конного нарочного и пошлем.

— И следи за работными, чтоб с огнем не баловали. Пожар ныне — наш главный враг.

— Все сполним, князь!

...С утра до позднего вечера — гвалт и стук над Волгой. Бородатые мужики в холщовых рубахах, домотканых портках, кто босой, кто в лаптях, трудятся вовсю. Делят плоты, тащат баграми бревна на берег, укладывают штабелем для просушки. По натянутой бечеве роют канаву для тына, выравнивают площадки под строения. Заложили воеводскую, съезжую, губную избы, по-

ставили основу под небольшую церковь. На отлете откопали погребные ямы и покрыли их двухаршинным скатом. Тут же поместили туда смоленые бочки с зельем. Сам Засекин командовал при этом: караульного стрельца поставил к погребам, наказал — ни днем, ни ночью ни на шаг...

В стороне, у леса, полыхают костры. Над ними «в котликах с красной меди» булькает пшениное варево. За грубо сколоченным длинным столом — стряпчие из стрельцов. Чистят аршинных судаков боевыми тесаками, замешивают тесто для хлеба, готовят корчаги под квас. Федор Михайлович Туров и здесь успевает покрикивать:

— Соли зазря в котлы не сыпь — нехай сами подсаливают. Може, кто пресное любит...

От людского шума и дымных запахов разбежалось окрест зверье, распугалась рыба. К дальним рощам отошли лоси и олени, перекочевали в сторожкие места зайцы и лисы, расплзлась по степи разная мелкая живность.

С берега у вырастающей крепости рыбные уловы теперь невелики. Отправляются на челнах за поживой рыболовы-стрельцы за две, за три версты — там в глухих протоках, на спокойных заводях и пустынных плесах рыбацкий невод добычен: трепыхаются в поднятых сетях осетры, стерляди, сомы и другая уловная рыба — не мелочь и в достатке.

А вот птицам соседство человека вроде бы и нипочем. Как парили, так и парят кругами над Волгой степные орлы, высматривая на земле или в реке зазевавшуюся добычу. Крякают в камышовом займище утки, взвизгивают чайки, играя, молнией бросаются на беспечных куропаток быстrokрылые кречеты, верещат на березовых верхушках стаи сорок, а ночью выводит сладко-беспокойные трели серая невидная птаха, знаменитая голосом на всю Россию...

Новое поселение на Волге привлекло и непрошенных гостей. ...Боярский сын Никодим Усов с четырьмя конными стрельцами объезжал ближние пределы Саратова в нагорной стороне. (Вслед за плотами пригнали к Саратову от самарских мест табун в пятьдесят лошадей — для работы и ратного дела.) Никодим, как начальный человек, — в кирасе, на голове шлем с шишаком и металлической сеткой для шеи. На боку — меч в

широких ножнах, в руке — тяжелая нагайка со свинцовым боем на конце. Прочие воины — в кафтанах и высоких шапках с меховыми околышами. На груди у каждого — «тягилляй» — простежка из толстого сукна, полбитого холстом, — для ослабления сабельного удара. В руках бердыши, щиты малые, на кушаках — тесаки и хлебальные ложки. Цепочкой следовали караульные всадники вдоль глубокого оврага, зорко оглядывая пустынную холмистую степь. Прыгали из-под лошадиных копыт стрекочущие кузнецы, ровно вскрикивала кукушка в ближней роще. И накуковала беду...

Когда до заросшей осинової опушки оставалось сажен двадцать, тонкий звенящий свист огласил мирную вечернюю тишь. Боярский сын быстро обернулся на крик: сзади него, вздрогнув, покачнувшись в седле молодой стрелец Тимофей Волков. Из правого плеча, близко к шее, торчало оперение татарской стрелы. Усов, выхватывая из ножен меч, истошно, срываясь на фальцет, закричал: — Васька, галопом с вестью в крепость! Тимоха, держись до времени! Все за мной — то ногайский разъезд, их двое аль трое!!!

Замыкавший цепочку Васька развернул коня и жарко огрел его плетью, — дернувшись, вытянулся в бешеном аллюре маштаковый жеребец, уходя назад, к Волге. Волков со стоном склонился к гриве остановившейся лошади. А Усов с другими стрельцами бросились к лесу — дать острастку врагам.

Татар оказалось двое. Невысокие быстрые кони вынесли их из зарослей и, срезая угол, устремили к петляющей в холмах низинке. Размахивая мечом, взяв на изготовку бердыши, русские всадники, отставая сажен на 50, пустились вдогонку.

— Берегись стрелы! — кричал Усов товарищам, зная про мгновенные остановки ногаев с натянутым луком. Тогда гляди в оба да увертывайся!

Пригнувшись к гривам, изредка оборачивая назад оскаленные узкоглазые лица, уходили, удалялись татары от яростных преследователей.

— Сто-о-ой! — поднял руку Усов, с трудом останавливая разгоряченного коня. — Не догнать, все одно! Ушли, сволочи поганые! — И сплюнул с горечью...

Бесславно возвращался домой усовский дозор: поддерживая раненого товарища, упустив врагов, без дувана и ясыря. Навстречу им в версте от города шли на

рысях 20 конных стрельцов — поспешали они в дальнюю разведку по следам умчавшихся ногаев.

Уложенный на лавку в новой воеводской избе, Тимофей Волков долго метался и преставился к утру, обесилев от потери крови и жара, что запалила в его нутре отравленная татарская стрела. Кое-как сотворив молитву, похоронили его на высоком волжском берегу — далеко виден с реки одинокий березовый крест над малым холмиком — память первому воину, погибшему у стен новопоставленного города Саратова...

Караванами гусей и уток потянулась к югу теплая пора. Выдувал сырой ветер снопы высохших листьев с прибрежных рощ, и катились остывшие волжские воды к Каспию, украшенные рябью осенней позолоты. Плелись под бечевой в верховья купеческие суда, ходко шли к низам посольские: дощаники, галеры, струги. Спешили им навстречу из Саратова высылные сторожевые лодки с фальконетами на кичке, препровождали далеко за город, а там еще верст пятьдесят конвоировал их береговой конный патруль — доглядывал за возможным появлением воровских казаков или кочевых орд. Ну а еще дальше двигались караваны одни — до Царицына или Самары «с великим бережением, в страхе от грабежу».

Огороженный бревенчатым тыном с пятью сторожевыми башнями — 150 сажен от стены до стены, — зажил Саратов беспокойной жизнью волжской крепости. Помимо казенных деревянных строений, срублены здесь избы стрельцов, амбары, бани, конюшни, сараюшки. Прибыли из Казани бабы — стрелецкие женки — «не похоти ради, а рода человеческого для». Враз появились на плетнях сохнувшие горшки и тряпье, во дворах закудахтали куры, а там заблеяла, замычала, захрюкала прочая домашняя живность. Осветили церквушку во имя Николы-святителя. Новопрехавшие поп с дьяконом начали каждодневную службу и отправление церковных треб — кому отпевание, кому венчание. А там и до крестин дело дошло.

В центре городка, на небольшой площади, поставили бревенчатую стойку с навесом — торговый ряд. Здесь сначала проезжавшие купцы разворачивали товар: сукно, шелк, кожи, а потом и местный люд приторговывать начал — грибами, птицей, лаптями, холстом, поделками для хозяйства. А особо — рыбой: свежей, сушеной,

соленой, а также икрой и рыбным клеем. Специальной царской грамотой определили Саратову речные уголья для рыбного промысла: «...под городом вверх и вниз по 5 верст безоборочно, и впредь тех рыбных ловель, которые отданы саратовским служилым и жилецким людям, никому на откуп отдавать не велено». Ловили саратовские стряпчие здесь «в обиход на пропитание белуги и осетры и вешние оханные белые рыбицы». А вскоре нашлись в Саратове «промышленные праведные люди из заобычных», что стали брать на откуп рыбные ловли: «вселетние, стрежневые, связочные, зимние» — для торговли и дворцового промысла. Тут и появились в новом городе работные люди: ярыжные, бурлаки, кузнецы, судовые плотники.

А главное население Саратова — служивое: стрельцы, конные, пешие, пушкари, да у коих женки с ребятей. Получают воины царское жалованье — деньгами и хлебом, несут трудную службу: в караулах, в гребях, в конных дозорах и трудах неизбывных. То тын подновляют, то казенный амбар рубят, то ров копают.

Воеводой поставлен в городе Засекин, стрелецким головой определен Туров. Пара хоть куда. Григорий Осипович высок, нетороплив, немногословен. Командовать да указывать горазд, сам ни к топору, ни к сабле, ни к заступу не касается. Говорит подумавши, не кричит, не ругается, но на своем крепко стоит. Ходит чистым — ферязь, охабень, шелковая рубаха с узором, сафьяновые сапоги, в руке посох. Одно слово — боярин думный. Федор Михайлович — мелок, вертляв, криклив. Хитрые в щелочку глаза (ровно татарин), остренький носик. Кафтан простой, шапка стрелецкая — в смоле древесной, в щепках, в шелухе, в грязи. Все норовит то плотникам, то стряпчим подсобить, и к ратному делу зело способен — хоть с бердышом, хоть с пищалью. Целый день на ногах, везде успел. Там накричал, здесь по мужицкому горбу плетью вытянул, а кому и батоги приговорил. Все знает, все считает — выгадывает. Старается на государеву корысть, но и себя с воеводой не забывает: посулы с рыбных ватаг, с охотников, с бортных людей, с проезжих купцов имает, подношением от служивых и ярыг не брезгует...

За дубовыми коваными воротами в проезжей башне — дорога по-над берегом вьется, к дальним холмам убегает, петляя меж буераками и веселыми рощами. То

путь к первопрестольной — для торговых людей, для паломников, для воинства и почты. Бредут по ней и беглые бесприютные крестьянские души — от хозяйского кнута и нищеты, сторожат ее лихие злодеи — поживиться купеческой мошной, рыскают окрест и ногайские орды — этим бы грабить, убивать, жечь, уводить людей в полон.

Каждое утро выгоняет из города на Московскую дорогу пастух Фомка Носов (из ярыг, пришел на Саратов с бурлацкой артелью из Астрахани) разномастное стадо из трех десятков коров да столько же коз и овец. Располагается скотина в низинке недалеко, пасется мирно. А Фомка прикорнет под кустом, а на караульную вышку нет-нет да посмотрит. По сигналу опасности оттуда немедля вскакивает пастух и в полных криках, щелкая длиннющим бичом, гонит скотину в город — скорее укрыться за воротами. Аж пыль столбом и мычанье-блеяние отчаянное — так торопит Фома недовольное стадо к хозяйским хлевам...

Сторожко живет Саратов — рано ложится, рано встает. То и дело тревожные вести поступают в город — с проезжими волжскими людьми, со странником в лохмотьях и с котомкой, с беглыми крестьянами, с казачьими разъездами от Терсы, Медведицы и Хопра.

Слышал кто-то, что «черкасы тучей збираются» и надо «чаять их прихода на Волгу». А там воровские казаки «зачали шататца по реке» — вот-вот под Саратов нагрянут. И в Москве, слышно, непорядок великий. Царь Федор Иоаннович слаб телом и умом не вышел, вот и командует за него царский шурин Бориска Годунов. Царевича Димитрия с матерью в Углич выслал, а сам как ему надо, так и поворачивает. А тут еще разговоры страшные про пришествие антихриста, про конец света, про бескормицу близкую и дурную болезнь. Господи, спаси и помилуй! Осеняют себя истово крестным знаменем прихожане саратовской церкви, усердно подпевают дьяку, вперив взор в темную икону меж потрескивающих свечей.

Дымит кадиллом местный священник отец Иринарх, расхаживая перед царскими воротами, и густой его голос наполняет храм:

— Возбранный Чудотворче и изрядный угодниче Христов, миру всему источаяй многоценное милости миро и неисчерпаемое чудес море, восхваляю тя любовию,

святителю Николае. Ты же яко имей дерзновение ко Господу, от всяких нас бед свободи...

А беды на каждом шагу подстерегают жителей новопоставленной крепости: то буря налетит, солому с крыш пораскидает, то саранча траву и листья пожрет — скотине кормиться нечем, то пожар запылывает — дома с рухледью начисто спалит, то инородцы к крепости подступят, то разбойники на ближних дорогах появятся, то мор на людей нападет, то зной или холод опалят, так что спасенья нет ни живому, ни мертвому. А еще, бывает, хлебное жалованье стрельцам задерживают: застрянет казенный караван где-то в верховьях, и ни слуху о нем, ни духу — живи как знаешь. Благо хоть — рыбой, зайцами и утками промышлять здесь можно: места-то все еще дикие, живность почти непуганая и нередкая. Только поворачивайся, ежели ловок и смышлен.

Поэтому горожане и просят Господа ниспослать им мир, покой, удачу и благоденствие. Верят, что поможет обрести их Николай Чудотворец, даром, что ли, его именем первую саратовскую церковь нарекли? Особо почитают на Руси этого Святого и надеются на него в трудную минуту.

А на крепостной стене, в сторожевых башнях над крутым берегом караульные стрельцы сжимают в руках пищали и бердыши. Всматриваются в стылую темень, слушают тихие всплески ночной реки, что несет от своих истоков могучие воды через лесистые холмы, через ковыльные степи вниз.

ЗА ПРАВДУ
И ВОЛЮ

В 1617 году Саратов был возобновлен на левом берегу Волги — в устье речки Саратовки, в двух километрах севернее современного Энгельса.

Самым примечательным событием в жизни левобережного Саратова стал приход в город Степана Разина во главе мятежного казацкого и крестьянского войска.

Основные события восстания под руководством Стеньки Разина разыгрались летом и осенью 1670 года. Покорив города Царицын, Черный Яр, Астрахань и Камышин, войско Разина 15 августа подошло к Саратову. Накануне в городе произошло восстание стрельцов и жителей, которые захватили воеводу К. Лутохина и других начальных людей. Стрелецкий голова Тимофей Давыдов вынужден был скрыться из Саратова. В результате город был сдан разинскому войску без боя, а самого атамана жители встречали хлебом-солью.

Разин пробыл в Саратове три дня, учредил здесь казацкий круг, казнил воеводу, раздал голытьбе захваченные припасы и имущество. И отбыл вверх по Волге — на Самару...

Обстоятельства пребывания в Саратове донского атамана и его сподвижников практически неизвестны. Предлагаемая читателями версия событий, происшедших в нашем городе в середине августа 1670 года, не может считаться безусловной. Это всего лишь видение автора, основанное на изучении материалов того времени и претендующее лишь на то, чтобы быть названным возможным вариантом...

Усталое солнце медленно клонилось к закату, и от высокого правого берега легла на Волгу длинная тень, спрятав вереницу стругов от безжалостных палящих лучей. Слабый ветерок чуть морщил неоглядную волную гладь, овевая приятной свежестью потные спины гребцов.

Дальние песчаные острова колыхались в угасающем дневном мареве.

Степан Разин полулежал на устланном дорогим ковром плоском днище переднего струга и внимательно оглядывал памятные ему места. По гребню крутого берегового откоса на фоне светлого вечеряющего неба двигались четкие силуэты конников — бесконечный строй их пропадал далеко сзади.

За хвостом каравана остались покоренные Астрахань, Царицын, Камышин; многолюдное войско великого атамана двигалось теперь вверх по Волге — 200 оснащенных пищальями и фальконетами гребных стругов с пятью тысячами казаков и переметнувшихся стрельцов, а также конные и пешие ратники, вооруженные ружьями, пистолетами, саблями, пиками, а больше косами и топорами.

Разин только что послал казака на легком челне к есаулу Ивану Ежу, который с тремя сотнями всадников сопровождал речной караван по луговой стороне. Наказ атамана гласил: выслать добрых лазутчиков к Саратову — проведать, «много ли в городе воеводской силы, чего ждут с верха и стрельцы не шатки ли». И загодя о том знак условный атаману дать.

Долгий переход под знойным низовым солнцем утомил гребцов. Все чаще, задержав весло, склонялись они за борт — зачерпнуть ладонью воды и брызнуть ею на разгоряченную голову и грудь. Степан Наумов, есаул атамана, неотлучно находящийся на разинском струге, обернулся с кички к задумавшемуся батьке.

— А что, Тимофеич, не привалим ли для роздыха? Сомлели хлопцы в гребн-то... Дуже нынче жарко.

Разин, отхлебнув глоток из серебряной сулен, стоявшей у него в ногах, ответил:

— Версты две еще одолеть придется. За Дурман-горою — буерак, а за ним — утес, у него вестей от лазутчиков ждать будем...

Волга впереди словно вымерла. Ни струга, ни рыбацкого челна, даже чаек не видно. Только высоко в серой небесной дымке, недвижно распластав крылья, парит над широкой лентой реки орел.

Нагорный берег становился все выше и круче. Малыми пятнышками с обрыва его смотрятся струги, растянувшиеся в длинную прерывистую нитку, конец которой скрывается за речной излучиной.

Степан Тимофеевич, в расстегнутой до пояса голубой рубашке, открывавшей мускулистую грудь, положила тяже-

20314-2

лую руку на колено, вперил взор в приближавшийся утес.

Памятно ему это место началом вольной атаманской жизни, когда, послушавшись казацкого старшину, увел Степан лихую ватагу с Дона на Волгу — добывать «боярский зипун», искать свою нелегкую правду. Три года с тех пор минуло. Вот с этого утеса высматривал Степан Тимофеевич торговые караваны, и громкий его голос летел над широченной гладью как сигнал затаившимся челнам: «Сарынь, на кичк-у-у!» И вскипала Волга под ударами весел, и рвались ходкие суденышки наперерез купеческим стругам, и короткой бывала схватка на воде, и богатой и желанной добыча...

У береговой отмели под утесом тыкались в песок носами казачьи суда. Берег сразу усеялся людьми, громкоголосый гомон нарушил тишину сомлевших за день каменистых круч и заросших буераков.

Задымились первые костры. Растелешенные казаки и стрельцы, смешавшись, с веселыми криками лезли в воду — остудить прокаленные тела, смыть грязь и пот с усталых спины и груди.

Степан Тимофеевич приказал разбить свой шатер на вершине утеса — там он получит условную весть с далекой волжской стороны.

Узкой петляющей тропкой поднялся Разин на вершину. Западная окраина неба еще светилась бледной розовой полоской заката. Светлячки костров беззвучно колыхались в наступающих сумерках, усеяв прилегающие холмы и низинки яркими точками. Расседланные лошади, склонившиеся мордами к земле, маячили меж огней. Под обрывом матово светлело просторное речное зеркало. Слышались приглушенные людские голоса, слабое ржание и стрекот кузнечиков.

В атаманской палатке на расстеленном ковре выставили кувшины с фряжским вином и пивом, блюда с кусками мяса и рыбы, ковриги хлеба и арбузы.

Атаман со своими товарищами Сережкой Кривым, Наумовым, Сукниным, Фролом Минаевым уселись за трапезу...

Дозорный казак Михейка Моргун расхаживал по краю обрыва, положив обе руки на рукоятку кривой турецкой сабли у пояса, и пристально вглядывался в густеющую темь за Волгой. Над головой, испугав Михейку, со свистом прошли две утки. Казак проводил взгля-

дом длинноношене их тени, еще различимые на фоне почти потухшей зари, зевнул и вновь обернулся к реке.

Далеко за островом, выше по течению, на противоположном луговом берегу, разгораясь, светлели в ночи две огненные точки.

— Батька! — истошно закричал Михей, подбегая к шатру. — Примай от Ежа донесенье, два стога никак запалил.

Разин с есаулами вышел на воздух. Далекие костры пылали у невидимого горизонта, сообщая атаману, что путь на Саратов открыт, — так было договорено с Ежом.

Степан Тимофеевич радостно хлопнул по плечу Наумова:

— Будет нам добрая встреча — без пальбы город возьмем! — И, обратясь к остальным, деловито распорядился: — Со светом снимись в путь поздорову! Стругам — в ход к Саратову, пешим и конным — к монастырскому подворью на горах. Там ждать от меня вестей!

* * *

В устье маленького волжского притока на левом берегу, отрезанный от мира долгой степью и водой, среди польни и ковыля стоял деревянный городок с гнилым бревенчатым тыном и покосившимися башенками. Внутри городка — воеводский дом, съезжая изба, амбары для пушечной казны и казенного имущества, дворы служилых людей, дворян и попов. Да еще торговая площадь с деревянным собором посредине. Храм сей освящен во имя Николая-святителя, стоит он на каменном фундаменте, внутри стены и потолок холстом оклеены, по которому рисованы образа и сцены из Священного писания.

Рядом с храмом — тюрьма, а обнесено все «городьбой из целых брусьев, вкопанных стоймя один подле другого и заостренных наверху на ровной высоте». А за городьбой — посад с земской и конской избами, лавками, рыбными лабазами, дворами стрельцов и посадских людей. Здесь же — приходская церковь во имя Живоначальные Троицы. А огорожен посад второй линией укреплений — рвом, валом, острогом, — стеной из двойного ряда дубовых бревен, засыпанных землей и камнем. По стене — рубленые башни с пушками (четыре угловых и две проезжих). Давно и башни поставле-

ны и вал насыпан — острог прохудился и обветшал, башни покосились. Скотина сквозь проемы в стене на водопой ходит, а у ворот столбы погнили — вот-вот упадут.

Живут в городе люди военные, торговые и ремесленные: стрельцы конные и пешие, годовальщики, лавочники, юртовщики, плотники и пришлая голытьба: ярыги и бурлаки. С бабами и ребятей — две тысячи жителей будет. И над всеми — воевода Кузьма Лутохин со стрелецким головой и детьми боярскими.

Появился на Саратове Лутохин прошлым летом и сразу же лютовать начал, чтоб успеть мошну набить, на воеводстве сидя: драть посулы с живого и мертвого, служивого и посадского, поборами своих и проезжих купцов мучить, а недоимщиков плетью нещадно жаловать. Книгу завел, куда дьяк все подношения воеводе записывал:

«— привели жеребца солового, бакшина на передней правой, грива нечесана, цена 7 рублей, братья Калмыковы, Клим да младшие;

— отдала деньгами 9 алтын стрелецкая женка Степанида Кошкина. А еще калач в узелке и яиц каленых десятков;

— овцу, ярочку черную, на ухе метка, целовальник Ефим доставил и ругался зело».

Все про всех по записям знал воевода и при случае вымогал с того, кто в книге еще не значился.

За кабаками следил особо — пекся о государевой казне, свою корысть, однако, имея. Требовал от целовальников, согласно царскому указу, «питухов от кабаков не отзывать, не гонять, — покуда оный питух до креста не пропъется». Чтоб, значит, прибытку главному цареву промыслу побольше, чтоб себе честь и полущка с полтины в карман. Богател Лутохин споро, закрома воеводской избы аж трещали от кулей и бочек, а все мало. С рыбных ловель, с торговых бань, с продажи сусла и кваса, с перевозов через Волгу и Саратовку — все содрать копейки норовит...

С получением вестей о казацком разбое в волжском понизовье воевода шибко встревожился. Город-то худ, взятъем его брать ворами очень способно. Пушки и пищали на башнях старые, и припасы к ним небольшие: ядер всего на Саратов сто шестнадцать штук. На базаре — скаредны речи и глум. Люди зверьем смотрят, а стрельцы — те завсегда шатки, особенно годовальщики.

А тут еще калмыки заволжские походом грозятся... Одна надежда — казанские полки подойдут, изменнику Стеньке острастку сделают. Доколь же великий государь терпеть воровство и разбой будет?!

Душным августовским вечером пришли к расписной воеводской избе стрелецкий голова Тимофей Давыдов, земский староста Ивашка Живодер да пятеро сынов боярских — совет держать. Лутохин сидел в горнице и, обливаясь потом, пил квас, черпая его ковшом из бадейки, поставленной в деревянное корыто со льдом. Мухи назойливо липли к воеводе, падали в питье.

Войдя и перекрестясь на передний угол, гости расселись по лавкам. Лутохин отер рукавом мокрые усы и истомленным жарой голосом спросил:

— Как оборонять град будем от воровского приходу?

Давыдов, в раздумье оглаживая широкую, как лопата, бороду сильной рукой в перстнях и печатках, ответил не сразу.

— Перво, прорехи заделать надобно. Негоже с дырами в стене стречать татей и разбойников. — Хлопнув муху у себя на животе, голова продолжал: — Не резон ныне вылазкой Стеньку пугать, буде он, вор, на Саратов пойдет все же. Стрельцы теперь что сарынь голоштанная — биться с казаками не станут. В осаде сидеть под начальным глазом — то еще мысленно, а в бой не пойдут.

Лутохин почесал в затылке:

— Высидим ли?

— Силы у них тыщи три, мнится.

— Коли вал и острог поправим, приступом Стеньке города не взять. Отсидимся внутри. А там из Синбирска стрелецкая рать до нас спустится с подмогой, — убежденно молвил Давыдов.

Ивашка Живодер добавил:

— Посадским людям укажем ныне вал подновлять, бревна тесать подвзамен гнилья.

— Бог даст, осилим воров, выдюжим...

* * *

Целый день Лутохин провел в хлопотах. Проверил, как пушкари готовят ядра и зелье на башнях, указал стрельцам, где кому встать с пищальми, велел кабаки

закреть (неслыханное дело!), отправил гонца с донесением самарскому воеводе, чтоб подмогу торопил, буде она с верха придет.

После обеда поехал смотреть, как вал и стену староста правит. На посаде, возле угловой башни к речной стороне, два стрельца оттаскивали кричащего мужика от бревенчатого лабаза.

— Помилуйте, не оставьте, — громко вопил мужик, вырываясь. — Креста на вас нету, добро губите!

Лутохин приблизился к стрельцам. Увидя его, мужик скинул шапку, рухнул на колени:

— Защити, отец, не вели анбар рубить, остатные припасы в нем, все ведь растащут!

Воевода строго спросил:

— Что за скал тут?

Один из стрельцов объяснил смущенно:

— На прореху бревна надобны. Потому нигде не сыскано, староста велел его анбар разобрать, кольями затесать и в тын поставить.

— Не вели, отец, по миру пускать, пропаду с детьми малыми. Со зла то Ивашка мой сарай указал, за стерлядей неададенных мстится.

Лутохин свирепо прищурил глаз на преклоненного мужика:

— Кто таков?

— Человек посадской Сидор Зайцев. Откуп с рыбных ловель имею.

Мигом припомнив, что посулов воеводе от Зайцева не было, Лутохин возвысил голос:

— Коль указано град оборонять, невместно счета вести и рухледь жалеть для-ради дела военного!

— Кузьма Иваныч...

— Молчи, собака, разговоры с тобой весть без времени! — Воевода ударил каблуком в лицо льнущего к стремени Зайцева. Тот упал, закрыв лицо руками.

— Круши, молодцы, таскай бревна к тыну, — командовал Лутохин плотникам. Один из них несмело обратился к воеводе:

— А можа, у сотника Федьки Служева дрова взять? Ныне они без надобности, а к зиме еще разживется.

Воевода даже покачнулся в седле от дерзости холопа:

— Что-о?! У боярского сына подворье ворошить? — Приблизившись, вытянул плеткой по мужицкому горбу. —

Сарыны! — Замахнулся на остальных плотников. — Измену затеяли? Бунт мыслите? Не мешкая за работу. Не то...

Один из стрельцов неожиданно шагнул к Лутохину:

— Слышь, Кузьма, не доводи до греха... Кнут-то спрячь...

Лутохин в яростном крике саданул жестким плетеным ремнем по лицу охальника — экое ослушание затеял! Поперек щеки и носа служивого протянулась кровавая полоса.

— Я тя и к дыбе подвешу, сукин сын...

Вскочил на ноги Сидор Зайцев, два других стрельца, с побледневшими лицами, сжимая в руках топоры, приближались к ошалевшему воеводе. Один из них ухватил лошадь под уздцы.

— Ах ты, гнида плешивая! Мочи терпеть тебя не стало! Сколь крови нашей высосал, паскуда!

Зайцев молча снял стремя с сапога Лутохина и с силой рванул ногу вниз. Воевода вмиг оказался спиной на земле.

Перетрухнувший, тут же запричитал визгливо:

— Ребята... ребята...

— Вяжи его, хлопцы! Ужо отпечалуем у Стеньки варнака!

Побросав работу, от крепостной стены бежали к зайцевскому амбару иные стрельцы и посадские...

* * *

С утра подул крепкий низовой ветер. Волга загуляла барашками, кусты на островах согнулись, трепыхая серой листвой.

Струги снимались с песчаной полосы у бугра и под парусами ходко устремлялись вверх. На атаманском судне над вздувшимся белым полотном развернулось казацкое знамя, открывая вольный рисунок — «печать круга донского»: голый казак верхом на бочке, в правой руке — сабля, в левой — трубка.

Струги шли по мелкой воде, гребцы работали легко — ветер-то в подмогу!

Сорокасаженными столбичами нависало над водой изрытое обнаженное чрево берега. За атаманским стругом двигался «патриарший», обитый черным сукном, следом — астраханцы, черноярцы, царицынцы, а в хвос-

те каравана — донцы. Верст на десять растянулась по Волге грозная флотилия казацкой вольницы.

У крутой излучины реки Разин встал на корме струга и громовым своим голосом, осиливая ветер, прокричал сзади идущим:

— Направе по ходу вертай! К луговой стороне, на Саратов!

Команду повторили, пронеся ее в хвост каравана. Далеко полетело над Волгой: «На Са-ра-а-тов!».

Гребцы ударили правыми веслами, ставя струги поперек течения.

С брызгами забились о борт разновеликие волны, осыпая тяжелыми каплями головы и плечи разинских работников.

Степан Тимофеевич переместился по стругу поближе к кичке (носу), туда, где на поперечных лавках — по четыре в ряд — сгибали-разгибали спины гребцы.

— А ну, казаки, свободи место, — обратился он к двум бородастым, обнаженным по пояс здоровякам, работавшим одним веслом. — Кости размять охота!

— Один не осилишь, батька, — улыбаясь, ответил молодой кучерявый весельщик. — Тяжела работка-то!

— Авось совладаю.

— Ну, гляди, пупа не надорви!

Казаки уступили скамью Разину. Тот уселся на их место и, поплевав на ладони, взялся за тяжелое весло.

— Ходу, соколы! Атамана не жалеть, выгребать на полную!

— Ай да батька! — одобрительно засмеялись остальные весельщики. — Не боится мозоль набить, знамо, к мужицкой работе свычен!

«Р-раз!» — двинул веслом Разин, откидывая назад могучее тело. Казаки замолчали, включаясь в привычный ритм.

Струг легко разрезал зыбкую водную поверхность, слегка переваливаясь на набегающих снизу волнах. Левый низкий берег стремительно приближался; вырисовывая склонившиеся от ветра ветлы и луговые стога. Чайки кружили над караваном, с криком пикируя к воде...

Три часа работал веслом атаман, не отдыхая и не уступая ни в чем прочим гребцам. Лишь когда показался на горизонте Увек — высокая гора с татарским пепелищем, — Степан перешел на корму.

Миновав длинный песчаный остров, передние струги приставали к берегу — здесь их ждали конные сотни есаула Ежа, опередившие караван. В прибрежных кустах спешившиеся казаки встали на привал: дымились костры, паслись расседланные лошади.

Ивашка Еж, заехав на коне в воду, приблизился к атаманскому стругу.

— Здоров, батька, — обратился есаул к поднявшемуся Разину. Упреждая вопросы, радостно сообщил: — Ждут тебя на Саратове хлебом-солью, Степан Тимофеич!

— Неужто? А что ж сила воеводская?

— Пятьсот стрельцов с Саратова сюда до тебя прибыло по-доброму. Поднялись они тама супротив начальных лиходеев. Голова стрелецкий утек в ночи с сотниками, а воеводу и дворян связали и под караул. Суда твоего люди чают...

Струг зашаркал днищем о песок и встал, уткнувшись носом в берег. Разин с Наумовым спустились на сушу. Еж, легко спрыгнув с коня и взяв его под уздцы, продолжал: «Игумена с монастырского подворья привезли, стретить тебя хотят по-царски — со звоном и хоругвями».

Разин положил руку на плечо есаула.

— Ну, Иван! Жалую тебя бочонком вина за добрые вести!

— Спасибо, батька! Воля твоя, только служим тебе не за корысть, а за правду!..

Разин хитро улыбнулся:

— Так что, бочонок-то придержать?

По лицу Ежа пробежал легкий испуг: он явно не ожидал такого поворота.

— Не-е, атаман! То никак не можно. Коли даешь, так давай!

Снизу подходили и подходили, опуская паруса, утомленные долгим переходом струги.

В полдень 15 августа 1670 года флотилия Разина подходила к Саратову. Передний богато украшенный струг вошел в устье Саратовки и, продвинувшись по узкому ее руслу сажен на сто, пристал против городских ворот.

По стене острога, на башнях, на валу, на всем низком берегу стояли и сидели городские жители: бабы, ярыги, стрельцы, посадские — все поспешили на встречу знаменитого атамана.

Разин с верными есаулами по стлани, тут же накрытой сукном, сошел на берег. Одет был Степан Тимофеевич празднично: белый атласный кафтан с перехватом из голубого шелка, на кушаке короткий кривой нож в серебряных ножнах, красная шапка с меховой оторочкой, шелковые синие шаровары, мягкие сапоги — по рудо-желтому сафьяну травы серебряны. Лицо атамана словно высечено из камня — четкие твердые черты, суровые морщины меж бровей и у вздутых крыльев крупного, чуть вздернутого носа, тяжелый остановившийся взгляд глубоко посаженных серых глаз, слегка кучерявые, с проседью, темно-русые чуб и небольшая борода.

Гордая осанка, надменная поступь — сразу видно, что не ведает атаман ни жалости, ни страха.

В городе затрезвонили била — навстречу Разину от растворенных городских ворот шел игумен в черной рясе и высоком клобуке, а рядом с ним — стрелецкий пятидесятник Максим Овцын и посадский человек Сидор Зайцев. В руках Сидора — на расшитом полотенце коврига хлеба с деревянной солоницей сверху. Игумен Богородицкого монастыря Филарет (под страхом смертного боя и бесчестья заставили его переехать Волгу для встречи атамана) махал дымящимся кадиллом и по минутно осенял распятием всех вокруг себя.

— Тимофеич, благословенье-то прими, люди смотрят, — шепнул батьке Наумов, знавший, что ни в бога, ни в черта Разин не верит, а попов не жалует. Через живой коридор любопытствующих Степан подошел к встречавшим, покорно склонил голову перед крестным знаменем, затем принял хлеб-соль, поднес его к губам и передал есаулам.

Сидор Зайцев, сдернув шапку, поясно поклонился прибывшим.

— Мир вам, казаки-христиане, избавители от хулы боярской и неправды! К вам ныне радость наша собиная!

Юродивые и нищие окружили атамана со спутниками, протягивая из лохмотьев скрюченные пальцы. Фрол Минаев вытаскивал из желтой кожаной сумы пригоршни серебра и оделял им страждущих.

Пятидесятник замахал руками на все прибывающую толпу:

— Геть, окаянные! Не ко времени затеялись — и без вас делов не переделаты! — И, обращаясь к Разину, пригласил: — Пожалуй, Степан Тимофеич, в избу воеводскую — щец добрых откушать да суд правый вершить!

— Веди, служивый!

Игумен Филарет неожиданно вступил в разговор:

— Что же, ныне всеобщую прикажешь служить в храмах божьих?

Степан, помолчав, молвил пренебрежительно, не умея скрыть своего нерасположения к духовному сану:

— Валяй, поп! Смотри хулы на казаков не возглашай, никак с нами нынче сам Никон!

— А можно ли молитву творить во славу великого государя?

— Можно, отец, — вмешался в беседу Наумов. — Во славу великого государя и великого атамана Степана Тимофеича! — есаул назидательно поднял палец. Филарет, придерживая крест на груди, молча поклонился.

Мимо низких мазанок и сараев, заборов и бань, мимо закрытых лавок и кабаков прошествовали Разин со своими спутниками к торговой площади. Пыльные лопухи по канавам, навоз под ногами. Деревянная церковь вздернула потускневший медный крест над городом.

У воеводской избы два казака остановили атамана.

— Что, батька, колодников выпускать?

— Выпускай с богом. Тех, кто с охотой, в войско брать. Всяк дорог, какой к пищали свычен али в гребі силен.

— А с воеводой и дворянами что делать?

— Повременя, веди сюда. С угощеньем управимся — сыск учиним.

Столы в горнице воеводской избы были накрыты к приходу разинцев. В деревянных ендовах и площадках лежали белужьи головы, куски отварной осетрины и баранины, пироги, калачи. Стояли жбаны с тминной водкой, брагой и медом. Посреди стола дымилась в котелке стерляжья уха.

Максим Овцын приложил руку к груди и поклонился вошедшим:

— Откушать с устатку, гости дорогие! Чем богаты, тем и рады!

...Степан Разин был уже хмелен. Лицо его побледнело, а глаза загорелись недобрым огнем. На потный лоб свесился растрепанный чуб, прикрывая изломанную в усмешке бровь. Отвалившись от растерзанного стола, есаулы раскурили чубуки, и едкий дым заслонился в душном воздухе, медленно выползая в открытое окно.

В горницу вошел Михей Моргун:

— Батька, там начальных людей саратовских привели. Что с ними прикажешь? В обиход али как?

Разин тяжело поднялся с лавки, но ответил твердо, не пьяно:

— А вот сейчас выйдем да послушаем, что люди скажут. Тому и быть, что они скажут!

Воеводский двор заполнен народом. Мужики и бабы, стрельцы и казаки хмуро разглядывали поникших боярских сынов и Кузьму Лутохина со связанными за спиной руками.

— Отгуляли свое, кровопивцы!

— Стал ныне ваш черед дерьмо хлебать!

— Ужо накормим досыта...

Разин появился на высоком крыльце. Страшный взгляд атамана вперился в согбенные фигуры тех, кто еще недавно были хозяевами на Саратове и сами творили суд и расправу.

— Ну, что молвите, гуси-лебеди? — Пленники, не поднимая голов, молчали. — Говори, народ православный, забижали вас воеводские прихвостни?

Толпа оживилась:

— Знамо, своеволили как хотели!

— Посулы им повсядни ташши!

— С какого ни есть промыслу поборы да поборы!

— С женками бражничали, в кабаках песни орали, а на похмелье им жбан меду подавай!

— Все плетьми лютовали!

— За куренка паршивого ярыжного до смерти засекли!

Слушая, Степан темнел лицом. Желваки заходили по скулам атамана, пальцы судорожно сжали кушак. Громко, на всю площадь, крикнул:

— Какой приговор мыслите, люди, боярскому отродью?

— Смерти им, атаман! Заслужили сполна.

Лутохин со стоном упал на колени. Острая бородежка тряслась, по потному лицу текли грязные слезы.

— Не губи, помилуй мя, народ!

Разин поправил на голове шапку — казаки схватили боярских сынов и воеводу за мятые кафтаны.

— Мешок на голову и всех в Волгу — пушай там с кизилбашской княжной хороводятся! — скривив губы, безжалостно поставил точку Степан.

Народ охнул в страхе. Пленников повели со двора — топить...

— Батька, хлопцы спрашивают, как быть с женами и пометом боярским.

— Этих высечь и нехай живут. А рухледь с ихних дворов раздать на кругу жителям по чести... — Разин обратился к есаулам: — Пойдем пить, атаманы! Мертвым — память вечная, а живым — пир горой!

День клонился к вечеру. В безветренном воздухе заронились тучи комаров. Песчаный берег возле города весь усеян людьми: варят пищу, купаются, ладят снасть и суда, таскают припасы. Пониже Саратовки вышло к воде разномастное стадо: зайдя по колено в Волгу, медленно утоляют жажду напекшиеся за день коровы и козы. Ленивое мычание и бляение оглашают сонный речной простор.

В городе творилось несусветное. Посреди площади, у раскрытых сундуков с боярским добром, заседал казачий круг — делили захваченную одежду, посуду, мастеровой инструмент, хлеб, рыбу. Оружие, лошади и деньги без разговоров отдавались разинцам — на нужды казацкого войска.

У открытых кабаков — оживление. Целовальники (которые честными сказались) еле успевали наполнять чары всем желающим, принимая за кабацкое зелье и деньги и рухледь в обмен.

Подошел юртовщик Влас Чушка — огромный бородатый детина. Ему только что на кругу пожаловали лисью шубу с верхом из зеленого сукна — с плеча самого стрелецкого головы.

— Ну что, хозяин, сколь пития дашь за боярскую одежду?

Целовальник наметанным взглядом уставился на дорогую шубу, покрывавшую грязное ветхое рубище ярыги. Смекнул — нова. Если взять, то и спрятать можно, а потом проедем купцам сторговать тайно, буде хозяин шубы на Саратове в силе заявится. Ответил безразличным тоном, не выдавая себя:

— Бочонок чихиря за такое добро отдам...

— Выкатывай за порог! — обрадованно воскликнул Влас, снимая богатое одеяние. И закричал: — Ярыги, захребетники! Все сюда — угощаю!

К юртовщику враз бросилось несколько человек.

— Вертай бочку! Сшибай дно! Шукай чары!

У съезжей избы два казака запалили костер. Подьячие с перепуганными лицами вытаскивали на воздух кипы бумаг из канцелярии воеводы и бросали в огонь. Крепостные и рядные записи, челобитные и царевы грамоты, кабальные, купчие и долговые списки, судебные книги исчезали в прыгающих языках пламени. Черная зыбь пепла витала окрест...

Зазвонили ко всенощной била у папертей. Игумен Филарет служил молебен в соборе Нерукотворного Спаса. У амвона в окружении потрескивающих свечей читал он ровным окающим говором слова молитвы.

— Тленны блага земные, сыне, — плыло от бедного иконостаса к склоненным головам прихожан. — Благодарить Господа нашего, и любовь Бога и Отца, и причастие святого Духа буди вместе с нами!

— И с духом твоим, — прошелестела в ответ толпа.

Помедлив и поискав глазами кого-то, Филарет решил-таки:

— За избавление державы от боярской измены, одоление христолюбивой рати, умились в сердцах, Господа нашего воспросим и ему помолимся!

— Аминь! — зачастили шепоти в крестном знамении, и лбы мягко стукнулись об пол...

Воеводская изба наполнена табачным дымом и кабацкими запахами: водки, пота, рыбы, чеснока. На столе — опорожненные штофы, опрокинутые чары и груды объедков. По лавкам, отстегнув сабли от пояса, развалясь, сидели хмельные казаки, а меж них набились гулящие женки — румяные полнотелые бабы с подведенными бровями в цветастых летниках. Стены избы содрогались от песни:

Ах, Настасья, ох, Настасья,
Отворяй-ка ворота.
Отворяй и у крыльца
Принимай-ка молодца!

Посреди горницы вприсядку прыгал донец Михай Моргун. Разин, бледный, облокотясь о край стола, си-

дел в углу и молча взирал на веселящихся есаулов. Кончик длинного турецкого чубука скрывался под черным усом.

Чрез запахнутое окно с улицы донеслись громкие голоса. Затапали сапоги по сениям. У порога появился Федор Сукнин.

— Степан Тимофеич! Выдь к людям, говорить с тобой хотят.

Желтый ущербный месяц повис над деревянным городком. В теплой тишине надсадно пищали комары.

Разин спустился с крыльца и приблизился к темным фигурам ожидающих его мужиков.

— Откуда, кто такие? — властно прозвучал голос атамана.

От группы отделился высокий сутулый человек и, сняв шапку, поклонился Разину:

— Древлего благочестия радетели и защитники старой веры прибыли до тебя. Со скитов на этом берегу, — мужик махнул рукой в сторону Волги.

— Много ли вас?

— Душ с полсотни. Сказывают, атаман, ты всех привечаешь, кто к тебе с добром.

Разин знакомо прищурил левый глаз.

— Какая ж вам корысть — с добром ко мне? Я ведь вольный казак, веру ни вашу, ни какую другую не жаляю.

— Но ведь и не хулишь! А нам от хулы и сысков всяких тягость великая. В норах жить и хорониться, ровно черви, устали зело. Потому и служить тебе имеем охоту.

Степан усмехнулся.

— Что ж, послужите, коли так. Оружье какое есть?

— Мужичье только, атаман. Топоры, вилы да косы.

— И то дело! Эй, Федор! Укажи молодцам место в войске. Нехай пособят, чем могут. — И, помолчав, добавил грозно: — Обиды им не чинить и насмешков не делать!

— Все сполним, Степан Тимофеич!

Раскольники сотворили поясной поклон и покинули двор вслед за есаулом.

Михей Моргун, покачиваясь, вышел из избы. Шумно справив нужду в сторону, с пьяной улыбкой подошел к Разину.

— Батяка! Куда ж ты делся? Пойдем, женки заждались!

Крепкий удар в лицо опрокинул Михея навзничь, голова его звонко стукнулась о ступень крыльца.

— Бражничать бы тебе только да на гуслях играть, потаскун! — Степан сплюнул со злостью. — Гони всех в шею отсюда! — И громко крикнул караульному: — Коня сюда! Фрол! Со мною к стругам для осмотра!

Гремя саблей, есаул Минаев выскочил из дома к атаману. Приняв от казака повод и поставя ногу в стремя, Разин вздохнул:

— Эх! С челнами да веслами лошадей забывать начинаю... — И легко вскинул большое свое тело в седло. Серый аргамак с места взял крупной рысью.

Михей Моргун, очухавшись, присел на приступок и, щупая на затылке набухающую шишку, горестно вымолвил:

— Служишь ему от сердца, а он по роже... А за что — не знашь, не ведашь!

У Волги догорали костры. На теплом песке спали казаки — богатырский храп заглушал негромкий шелест речной волны, накатывавшейся на плоскую отмель. Перекликались караульные:

— Гля-а-ди! Не закиса-а-й!

Светлячки костров тянулись далеко вниз и перекидывались на правый берег — там у монастырей и дворцового рыбного городка встало на привал конное и пешее воинство Разина, двигавшееся по нагорной стороне. К атаману приблизился Сережка Кривой, разбуженный казаками — он ночевал в струге. Налегая на «а» (сам с рязанских мест), доложил:

— Стяпан Тимофеич, челны конопатили, харчи загрузили. Как скажешь — враз сойдем на Самару!

— Сколь саратовских жителей к войску пристало?

— Мнится, сотен шесть из стрельцов, посадских и ярыжных. Да раскольники с гор прибыли.

— Вот что, Фрол, — обратился Степан к Минаеву, — подбери-ка им есаула доброго из донцов и отправь на Пензу. Нехай в тех краях страху наведут. Проследи, чтоб коней и пищалей им достало. — Разин поглядел на убегающую вниз цепочку огней и добавил: — У своих куреней пуще воевать будут, а у нас и без них рать немалая. Дай бог управиться с такой крупностью...

Сережка Кривой согласно покачал головой:

— Да уж, ныне тыщ пятнадцать в войске есть.

— Толку-то! — воскликнул Минаев. — Все мужичье да голытьба с косами да вилами, а воинов-то — одни казаки!

— Не скажи, Фрол. Мужик, он за правду-то ишо как постоит! Хоть и с дубиной!

— Не до бреха, атаманы, — деловито прервал Разин. — Спать теперь ложись, а со светом — на струги и в ход.

Степан Тимофеевич вскочил на аргамака, и топот копыт вскоре затих в темени у городских ворот.

А Кривой с Минаевым еще долго стояли у потухшего костра и продолжали спорить. В конце концов, пришли к согласию: любой воин к ратному делу способен, коль стоит над ним вож с умом и сноровкой. А вож такой, слава те господи, есть — Степан Разин. Стало быть, и все его служивые — казаки и мужики — сила грозная.

...Тихо всплескивая мирной ночной волной, несла мимо темные воды свои великая река. Поднявшийся было серп месяца вновь уплыл за горизонт, и крупные блестящие далеких светил засияли в черном небе, беззвучно рассекавшемся изредка ослепительным прочерком падающей звезды. В зарослях острова гулко ухал филин, и лениво вторили ему собаки на посадке.

Утром разинская флотилия выступала в поход.

На берегу в ожидании команды толпились казаки и стрельцы, рядом покачивались на воде снаряженные струги. К правому берегу отвалил челн — с наказом атамана есаулам конной и пешей армии.

В городе на торговой площади собрались жители — выслушать последнее слово Степана Тимофеевича.

Одетый в скромный походный жилет поверх кумачовой рубашки, с пистолем за поясом и кривой саблей на боку, Разин вышел из воеводского двора. За ним появились пред народом хмурый Наумов и Михей Моргун с лиловым синяком под глазом.

К Разину подвели коня — с тем чтоб весь собравшийся люд мог видеть говорившего атамана.

С седла Степан Тимофеевич поднял руку, успокаивая толпу. Голос у его зазвучал резко и уверенно:

— Люди православные, горожане саратовские! Ныне будете вы без боярской неволи, жить по-честному, по-казацкому. На кругу дела решать и правду пригова-

ривать. Всем посадским я торг и рукодель беспошлинно, а крестьянам землю жалую. Кто чем владеет — владай, правду блюди по чести, хулы на бога и народ не возводи. А бояр, судей и слуг ихних я побью без кончания. И гумаги их пожгу! Того для сил не пожалею! — Разин сдернул с головы шапку и склонился к лошадиной гриве. — А за помощь вашу и хлеб-соль спасибо от казацкого сердца!

Толпа пришла в движение:

— Ништо, батька!

— Ждали тебя долго, потому встречали с праздником!

Степан Тимофеевич выпрямился и продолжал:

— А теперь в путь нам пора — на Самару. Бороните город усердно от лиха и измены. Оставляю вам две сотни донцов с есаулом — пособляйте им без страха, буде придут на Саратов сыны боярские!

— Знамо, постоим за правду и волю!

— Костями ляжем, в город не пустим!

Разин спустился на землю и, сопровождаемый верными своими товарищами, направился в сторону городских ворот. Ступал он не спеша, сохраняя горделивую осанку и внимательно оглядывая толпившийся перед ним люд — мужиков, баб, ребятню, нищих и юродивых.

— Расступись, православные! — командовал впереди атамана Михей Моргун.

И народ расступался. Кланялись низко, касаясь рукой или шапкой земли, знаменитому атаману саратовские жилецкие люди: и стрелец в красном форменном кафтане, помятом от давнего небрежения, и старуха в пестром платке, прослезившаяся от необычного скопища надрывных выкриков, и простоголовая востроглазая молодайка с толстой косою через плечо, и бурлак-бедолага, пьяный и босой, и ясноглазый отрок с затуманенным взором, и чистый торговый человек с аккуратной бородой и строгим обличем, и прокаленный рыбак в холщовой рубахе и в лаптях, и баба румяная в обнимку с двумя младенцами, и скрюченный дед, опиравшийся на суковатую клюку.

Разин, проходя через живой коридор, часто останавливался, кого одаривая деньгой, кого хлопая по плечу, кому слово доброе молвя, кого шуткой ободряя. Знал атаман, как вести себя надобно, дабы защитником и свойским человеком в народе прослыть. Знал, что иной

мирянин о злодействах разинских не раз слыхивал, а иной и душегубом называл — за убийственных мирных купцов и приказчиков, за пьяный разгул, в угаре коего страдали порой от атамана и правые и виноватые. Почему, мучаясь втайне от грехов содеянных, и держался Степан с толпою напоказ душевно, щедро монеты и ласки раздавая, но имея вид надменный и суровый. Тот, кто не любит грозного атамана, пусть же убьют его — так-то оно надежнее. Испокон веков на Руси силу уважали.

Утреннее солнце все выше поднималось над миром, вырисовывая серые правобережные холмы и блеклую зелень островов, играя яркими всплесками на набегающей волне.

Разин взошел на передний струг и, обратясь к каравану, покрыл речной простор громовым вскриком:

— Гей, соколы! Весла навзлет! Правь на стрежень!!!

Один за другим отвалили струги от береговой отмели и, хлопая вздутыми парусами, ходко спешили вверх.

Люди на берегу долго смотрели им вслед...

СОДЕРЖАНИЕ

В светлой думе о былом	3
Сказание об Увекe	7
Саратов изначальный	17
За правду и волю	31
«К южным морям с остановкою в граде Саратове...»	53
1. 1695 год	54
2. 1722 год	69
До Пугача и после	85
«В душе, проснувшейся едва...»	101
Пушкин в Саратове?	119
От овса до бензина	135
1. Извозчики	136
2. Конка	140
3. Трамвай	145
4. Автомобиль	149
Под сенью музы Мельпомены	155
1. Городской театр	156
2. Общедоступный театр	162
3. Театр и сад Очкина	169
4. «Приволжский вокзал»	171
5. Цирк	173
6. Синематограф	176
7. Массовые народные развлечения	180
На Волге у Саратова	187
Архитекторы старого Саратова	217
Алексей Маркович Салько	219
Семен Акимович Каллистратов	231
Василий Алексеевич Люкшин	238
Петр Митрофанович Зыбин	245
Последний из армии Наполеона	255
От Рюрика до политрука	267
Старый Саратов, исчезнувший и сохранившийся	281
1. Музейная площадь	282
2. Новый центр	289
3. Во дворах и на улицах	297
4. За прилавками и стойками	310
5. В гимназиях и школах	323
Послесловие	331